

УДК 821.161.1Дорогами Европы7
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8Богачева Е.В.

Е.В. Богачева

**ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ЕДИНСТВО КНИГИ
ОЧЕРКОВ И. ЭРЕНБУРГА
«ДОРОГАМИ ЕВРОПЫ»**

Рассматривается жанровое своеобразие книги И. Эренбурга «Дорогами Европы», ее художественное единство, выраженное через композицию очерков, структуру повествования, художественное время и пространство, различные формы воплощения авторской позиции.

Ключевые слова: *цикл, синкретизм, повествователь, калейдоскопическая композиция.*

Богачева Елена Васильевна – канд. филол. наук, доцент кафедры гуманитарно-педагогических дисциплин Южного федерального университета
Тел.: (863-62)52558, 8-928-133-51-58
E-mail.: evbogacheva@rambler.ru

© Богачева Е.В., 2010 г.

Илья Григорьевич Эренбург – выдающийся русский писатель, публицист, общественный деятель. Одним из первых он написал об угрозе фашизма и его сущности. Эренбург был новатором, первопроходцем, утверждающим в литературе свое право на произведения нетрадиционных жанров.

Книга очерков «Дорогами Европы» в целом воспринимается как новое слово в художественной публицистике XX в. не только с точки зрения содержания, сюжетики, но и с точки зрения жанра. На наш взгляд, путевые очерки И. Эренбурга можно назвать авторским циклом.

Понятие «цикл художественных произведений» до сих пор остается дискуссионным в отечественном литературоведении. Циклические образования – явления многообразные и разнокачественные. Обычно эта категория рассматривается как «законченный ряд каких-нибудь произведений, чего-нибудь излагаемого, исполняемого» [Ожегов, 1994, с. 863].

В некоторых случаях приводятся отдельные дифференциальные признаки, цикл определяется как «ряд художественных произведений, объединенных общностью действующих лиц, общностью тематики» [Словарь иностранных слов, с. 772]. Иногда перечень признаков расширяется, и определение становится однозначным: «Цикл – несколько художественных произведений, объединенных общим жанром, темой, главными героями, единым замыслом, иногда рассказчиком, исторической эпохой» [Словарь литературоведческих терминов, с. 456].

Целью данной статьи является анализ книги И. Эренбурга «Дорогами Европы» как художественной формы. Конституирующими признаками, определяющими ее художественное единство, на наш взгляд, можно считать: единое заглавие, внутреннюю логику расположения компонентов, однотипность жанра произведений, сквозную циклообразующую доминанту.

Основой для формирования *жанровой модели* стало путешествие.

В. Гуминский определяет путешествие как жанр, «в основе которого лежит описание путешественником (очевидцем) достоверных сведений о каких-либо, в первую очередь, незнакомых читателю или малоизвестных странах, землях, народах в форме заметок, записок, дневников, журналов, очерков, мемуаров [Гуминский, с. 314–315].

Константами жанра в книге И. Эренбурга являются: а) мотив дороги; б) образ героя-повествователя – человека, находящегося в семантической сфере путешествия, интерпретирующего инонациональные мотивы и образы, включенные в антиномию «свой» – «чужой»; в) геопространство, несущее значительную смысловую нагрузку; г) синтез фактической составляющей и субъективной авторской интерпретации.

В основе *заглавия произведения* – ключевой образ дороги, организующий весь текст. Семантический компонент «пространство» содержит указание на конкретное место – Европу.

Мотив пути не был индивидуальным авторским мотивом творчества. И. Эренбург во многом использовал опыт предшественников. В трактовке писателя дорога истолковывается в разных значениях: во-первых, дорога – это связующая нить между отдельными пунктами путешествия, лейтмотив, организующий повествование. В переносном смысле дорога, уходящая в неизведанную даль, – символ исканий героя-путешественника и человечества в целом. «Народы, как люди: у одних легкая судьба, они сразу /.../ вышли на верный путь; дорога других сложна, извилиста, полна страданий» [Эренбург, с. 15; далее при цитировании из этого произведения указаны только страницы].

Композиционно книга И. Эренбурга состоит из пяти частей в форме очерков, названия которых фокусируют внимание на пространстве: Румыния, Болгария, Югославия и т.п. Внутри каждой композиционной единицы выделяются немаркированные главки, расчленяющие текст на смысловые отрезки.

Обращает на себя внимание четкая фиксация времени создания очерков – сентябрь–декабрь 1945 г. Эти речевые сигналы, закрепленные за композиционными частями, образующими целое, многофункциональны: а) разнообразные в тематическом отношении записи образуют единую последовательность, которая носит дискретный характер и отражается в смене дат; б) точная датировка позволяет без предварительных объяснений ввести читателя в определенную историческую атмосферу – конец Второй мировой войны.

Жанр «литературного путешествия», генетически восходящий к древнерусским хождениям, является неканоническим. Его «гиб-

кость» позволяет синтезировать различные жанровые черты. Они реализованы Эренбургом в форме путевого очерка, в котором публицистичность, документальность и художественность органично взаимосвязаны. Именно необычный синтетический жанр очерка позволил И. Эренбургу раскрыть свое мировосприятие, идеологический характер проблематики.

Неслучайна *внутренняя логика расположения компонентов*, в основе которой развитие мотивов, настойчиво переходящих из очерка в очерк. Внешне автономные единицы связываются между собой путем когерентной связи. Одним из средств создания когерентности является пространственная оппозиция рассказа: например, Румыния — Болгария. («*Бухарест пышен, но бледен, как больной*» (15). «*Очутившись на болгарском берегу, я сразу почувствовал приподнятость, духовное напряжение*» (15). Связь произведений и их последовательность приобретают решающее значение, происходит «перетекание» смысла из одного очерка в другой и, как следствие, «приращение» смысла.

Композиционные части книги сближаются на основе общих смыслов, связанных с темами «война», «фашизм», «разрушение», «гибель», «уничтожение». Становясь контекстуальными синонимами, они служат средством создания цельности текста и могут рассматриваться как семантическая композиция, учет которой важен для интерпретации всего сборника. В тексте возникают семантические цепочки, взаимодействие которых порождает новые смысловые оттенки: «*Куда теперь ни поедешь, повсюду видны страшные следы войны; есть развалины и в Албании*» (66). «*На Нюрнбергском процессе были оглашены немецкие проекты уничтожения чехов...*» (72).

Благодаря соединению в единое целое конкретных произведений, автор создает форму, в которой сложение самостоятельных произведений дает не просто сумму, а качественно новое объединение, «открытое множество» при наличии общей идеи.

Циклообразующая доминанта в книге И. Эренбурга представлена несколькими вариантами. Это единая для всех компонентов идея: разоблачая фашизм в различных проявлениях, писатель показывает его аморальный облик. «*Фашизм — это прежде всего национальная ненависть: /.../ люди, зараженные им, /.../ гордятся только своим происхождением*» (11).

Автор не отождествляет понятия «фашисты — немцы», не соотносит с конкретной национальностью, пример тому — «*румынские*», «*болгарские фашисты*». Фашизм отстаивает политику культурного изоляционизма, при которой будут возвышаться новые стены между людьми разных народов — эта мысль лейтмотивом проходит через все очерки.

Существенную роль в создании целостной художественной формы играет *категория времени*. Циклообразующая доминанта представлена в виде конкретных социально-исторических реалий: действие происходит в послевоенные месяцы. Художественное время носит системный

характер. Повествователь (автор) смотрит на изображаемое, занимая определенное положение во времени и пространстве и оценивая предмет изображения. Размышления повествователя сочетаются с ретроспективным, но лишенным строгой хронологической последовательности рассказом о событиях прошедшего, включают характеристики лиц, событий, фактов. «*Фрески Боянской церкви были созданы в середине тринадцатого века*» (30); «*В 1944 году партизаны завладели обширными районами*» (18).

В результате последовательно соотносятся разные временные планы, дается широкая панорама действительности, воплощается определенная философия истории. Показывая отвратительный лик фашизма, писатель стремится отразить те исторические и культурные ценности, на которые посягнули гитлеровцы.

Художественная целостность книги обусловлена единством места – Европой. Метафоризация дороги в книге И. Эренбурга разнообразна и многопланова. Обратимся к примерам: «*...на дорогах Молдавии, по которым прошла война*», «*Болгария вышла на новый путь*» (15), «*колесница истории*» (42), «*Югославия знала, что перед нею одна дорога*» (44), «*жизненный путь*» человека (44).

Пространственный образ пути формирует сквозной мотив движения. Речевыми средствами для его воплощения становятся номинации пространственных реалий (*Загреб, Белград, корчма, курорт Аббацция*), предложно-падежные формы (*в театре, с башен*), глагольные формы со значением перемещения в пространстве (*переплыв на пароме, попал в Белград*).

Первая «обстановочная» деталь, открывающая книгу: Румыния, Бухарест, – схематичный описательный текст, передающий впечатление путешественника: «*Румыния поражает приезжего своими контрастами*» (3). Но в данной ремарке обозначаются не только реалии местности, но и атмосфера жизни: «*Я говорю не о живописных контрастах бутафорши, а о глубокой трагедии народа...*» (3).

Художественное пространство характеризуется открытостью. Небольшая по объему, краткая авторская реплика может обозначать не только перемещение из страны в страну, но и взаимосвязь очерков: «*Дунай разделяет не только два государства – два мира. Переплыв Дунай, я сразу очутился в ином мире*» (14).

В общую систему пространственных образов включается пейзаж. Как элемент сознания, пейзаж приобретает символический смысл: «*Я не забуду идиллического пейзажа: снежные горы, изумрудные пастбища, и среди старых ветвистых деревьев женский монастырь – здесь гестаповцы пытали непримиримых...*» (49). Несколькими штрихами писатель воспроизводит спокойствие, постоянство и красоту мира, на фоне которого кощунственно воспринимаются реалии, связанные с войной.

Наряду с ландшафтным, автор рисует реалистический городской пейзаж, также несущий приметы времени: «*София – обыкновенный*

европейский город /.../ хорошие удобные дома; скверы; есть и музеи, и театры, и гостиницы. Картина привычная в послевоенной Европе: развалины, мусор, остатки утвари» (29). Отдельные детали несут выразительную смысловую нагрузку, значимую для автора антитезу «человек — война», служащую для раскрытия идейных тенденций. Автору важно подчеркнуть, что мировые события опрокинули границы государств, перевернули привычные представления о жизни.

Очерки объединены *общностью героя-повествователя*. Личность автора, его голос, идея стали основой книги, организующей все элементы. Опираясь на типологию повествователей, разработанную А.В.Клочковым [Клочков, 2006], его можно обозначить как «персональный автор-повествователь» в форме «Я» (я видел, осмелюсь сказать), сочетающий функции действующего лица и рассказчика. Только гражданская позиция, мировоззрение автора, его видение проблем являются решающими в выборе фактов.

Писатель выражает свою точку зрения и в языке повествователя, где мы явственно слышим субъективный *авторский голос, эмоциональную оценку изображаемого: авантюрист Антонеску, румынская демократия — фарс, фашистские прислужники*.

Автор исторически и социально обозначен, в коммуникативной ситуации маркируется конкретным положением в ней. Он подчеркивает, что читатель получает материал из первых рук: *«На улицах Праги то и дело замечаешь цветы, среди снега: здесь пали герои майского восстания /.../ Кровь, кровь проступает из-под старых камней, кровь повстанцев и заложников /.../»* (73).

Яркая черта эренбургского стиля — открытость обращения к читателю. Грамматически это выражается контактоустанавливающими конструкциями («я не хочу скрыть от читателя трудностей» (75); диалоговыми фигурами: «Читатель, можете спросить» (57), «Каждый, кто следил за политической жизнью Европы /.../ знает» (26) и др.).

Будучи компонентом цикла, каждый очерк сохраняет все структурные и содержательные черты самостоятельного произведения и может функционировать автономно. Из множества художественно-эстетических особенностей каждого из очерков можно выделить общие для всех элементы поэтики.

Композиция очерка у Эренбурга — главное средство выражения содержания. По структуре это бессюжетный очерк, вмещающий в себя несколько временных планов, связанных с отдельными героями, разнообразие географических описаний, политические зарисовки. Экспериментируя с формой, писатель органично синтезирует в пределах художественного текста путевой очерк с очерком-памфлетом, сюжетный рассказ и статистическую выкладку, публицистический выпад и др. Автор использует эссеистскую форму построения, основанную на ассоциативных связях и образных обобщениях, сочетая ее с хроникальным построением материала. В повествовании приоритет отдается не бытовым подробностям, а политике.

В исследовании Европы обнаруживается несколько уровней: историко-культурный, этнографический, социально-психологический, религиозный, политический. Дать общую картину через отдельные «кадры» — таков принцип построения всей книги.

Глубоко и подробно раскрывается обычная жизнь народов разных стран: «Народ Румынии тяжело трудился, выносил все на своих плечах» (7); «Нет в болгарях блеска, легкости... Но сколько глубокой страсти в этом народе!» (31).

Проявляя культурологический интерес к архитектуре, живописи, литературе и искусству разных государств, автор показывает неповторимое лицо каждого народа, национальные особенности. Интереснейшие фрагменты в очерках — собирательные портреты отдельных народов: «Чехи — верные друзья, но они не знают “молниеносной дружбы”, нелегко проникнуть в тайники их сердец» (72). Ключом для понимания народа становятся пражские дворы («не полюбив их, не разгадав, трудно понять душу Праги» (72). Выразительными деталями автор очерчивает национальную неповторимость народа: знаменитое пильзенское «пивочко», любимую еду чехов — кнейдлики; кафе в Чехословакии — это клубы и читальни.

Эффектными художественными средствами, среди которых калейдоскопическая композиция: «Крестьянка в строгом наряде: красное и черное. Пара волос. Упрямый старик /.../. Горы, и снова горы, снег /.../. Босые дети /.../. Корчма /.../» (30), пафос: «увидев душу Болгарии, нельзя ее не полюбить» (36) — воссоздается неповторимый облик Болгарии.

Удачно подобранная метафора дает яркий запоминающийся образ Югославии: «Югославия потрясает той высокой улыбкой, которую мы видим на лице человека, охваченного вдохновением» (37).

Работая над очерками, Эренбург привлекал печатные источники: выдержки из книг, газет, тексты песен. Например: «В одной подпольной газете /.../ я нашел такие слова: “Фашизм — это не только рабство, это смерть, и мы, болгары, сражаемся за жизнь”» (25). На равных правах с документами, цитатами из газет, свидетельствами очевидцев и т.п. в художественную ткань текстов входят собственные впечатления и наблюдения: Эренбург, сугубо штатский человек, не раз ездил на фронт.

Элементы интертекста в очерках Эренбурга немногочисленны: «Вот она печальная комедия века — горе от совести» (22), «одесские “дачники”» (13). Они выполняют функцию актуализации ключевых компонентов повествования.

Вся система гитлеризма ведет к духовному обнищанию, нравственному падению, к полной потере человеческого облика — таков вывод, сделанный писателем на основе личного опыта: «Фашизм легко овладел Румынией, потому что народ был приучен веками к слепой покорности» (4), «вчерашние “фашисты” благоразумно называют себя “демократами”» (6).

Документальное начало создается введением в художественную ткань произведения имен политических деятелей (*Антонеску в Румынии, Гитлер*), представителей литературы и искусства (*чешский поэт Незвал, болгарский композитор Панчо Владигеров*), партизанки *Лиляны Димитровой*, югославского моряка *Драго Живковича*.

Автор использует разнообразные статистические данные: «начиная с 1923 года, различные фашистские правительства подвергли аресту полтора миллиона болгар» (17). «За время войны Югославия поставила на ноги миллион четыреста тысяч бойцов» (30).

Конкретными фактами Эренбург убеждает, что варварство, жестокость, слепое подчинение начальству и другие типичные качества фашистских захватчиков вырабатывались в результате многолетних усилий гитлеровских главарей, которые истребляли немецкую культуру и воспитывали молодежь в духе человеконенавистнической «философии» расизма. «Теперь много пишут о перевоспитании немцев: это сложная и трудная проблема» (7).

Анализируя процесс взаимопроникновения художественных и публицистических элементов в жанровой системе произведений И. Эренбурга, мы пришли к выводу о тенденции преобладания *публицистического начала*. Сквозной доминантой книги очерков И. Эренбурга является *публицистическая идея* – призыв к единству в борьбе с фашизмом всех культурных сил вне зависимости от их мировоззрения. Ориентированность на создание заданного отношения к проблеме в целом допускает многозначность в понимании деталей.

При создании публицистического образа автору важно не только опираться на определенные факты, характеризующие явление с разных сторон, но и дать их образную трактовку выразительно-образными средствами публицистики. Хорошо прочувствованный, эмоционально поданный материал подразумевает использование эпифонемы: «Далеко, очень далеко от Тираны до Москвы. Но для сердца нет верст» (70).

Новаторски преломляется традиционная для путешествия антитеза «свое – чужое». Поиски общего и противоположного между явлениями создают возможность особого структурирования текста. «Тот, кто видел Смоленщину или Белоруссию, поймет скорбную повесть Лика или Черногории, здесь пепла больше, чем домов...» (37).

Автор неоднократно подчеркивает, что советский народ несёт главную тяжесть борьбы с фашизмом, что судьба народов Европы решается на советско-германском фронте, что военные усилия союзников не идут ни в какое сравнение с жертвами, которые приносит на алтарь победы над общим врагом советский народ. «Советский хлопок оживил бездыханные текстильные фабрики Болгарии» (23). «Орудия Красной Армии разбудили румынский народ» (6).

Часто сам «монтаж» фактов высекает мысль, подводит читателя к выводу, который является целью Эренбурга: «...Камни Одессы, Крыма, камни Сталинграда кричат о преступлениях “солдатни Антоне-

ску»», но «наш народ не обвинил злосчастных румынских крестьян в преступлениях» (12), осуществленных румынскими фашистами. Контрастное сопоставление, резкий, подчёркнутый переход от частной, но поражающей воображение детали к обобщению отличает стиль Эренбурга.

При создании публицистического образа писатель опирается на определенные факты, характеризующие явление с разных сторон, и дает их образную трактовку посредством ресурсов выразительно-образительных средств языка – использует такие синтаксические конструкции и стилистические фигуры, как обращения, прямые вопросы: «*А сколько, спросит читатель, жителей в этом городе?*» (50), риторические вопросы: «*Что поддерживает оппозицию?*» (5), параллелизм предложений, инверсию, анафору, эпифору, эпитеты, антитезу (армия освободителей – армия оккупантов), восклицания: «*Что за бедная страна!*» (3); применяются автором крылатые выражения «*патриотизм не возрастает вместе с доходами*» (8), пословицы, поговорки, – что придает повествованию образность, лаконичность, меткость, некоторую оценочность, нацеленность на обобщения.

Документальная точность, идейная целеустремленность, предельная сжатость, афористичность изложения, сарказм и гневный пафос в обличении фашизма – отличительные черты публицистического стиля И. Эренбурга.

То, что писал И. Эренбург, было неотъемлемой частью войны против фашизма. Когда маршал Баграмян пишет: «Перо Эренбурга воистину было действеннее автомата», – это не комплимент, а деловая оценка боевой мощи публицистики Эренбурга.

Экспериментируя с формой, писатель органично синтезирует в пределах художественного текста различные жанры и стили, открывая возможности для нового, творческого осмысления реальности XX столетия. Из такой формы повествования (с помощью путешествия), по нашему мнению, вытекают все другие жанровые модификации книги «Дорогами Европы»: путевой очерк, очерк-памфлет, сюжетный рассказ, исторический и философский очерк. В очерках «межжанровые отношения приводят к синтезу жанров и жанровой многослойности».

Книга «Дорогами Европы» – не просто очерки, собранные в одной книге, а их неразрывная цепь, составляющая единое художественное целое. Во всей жанрово-композиционной структуре очерковость не только не уменьшается, а напротив, приобретает еще больший удельный вес. Разнообразный по своей тематике, стилевым особенностям материал связан общей идеей антифашизма, являющейся цикловой доминантой.

Литература

Гуминский В. Путешествие // Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. Кожевникова, П. Николаева. М., 1987.

Клочков А.В. Лингвостилистические особенности литературного сказа в межъязыковом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 2-е изд., испр. и доп. М., 1994.

Словарь иностранных слов: 4-е изд., перераб. и доп. М., 1954.

Словарь литературоведческих терминов / ред.-составители Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М., 1974.

Эренбург И. Дорогами Европы. М., 1946.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
